

Специальный номер
КУПАЛЬНЫЙ

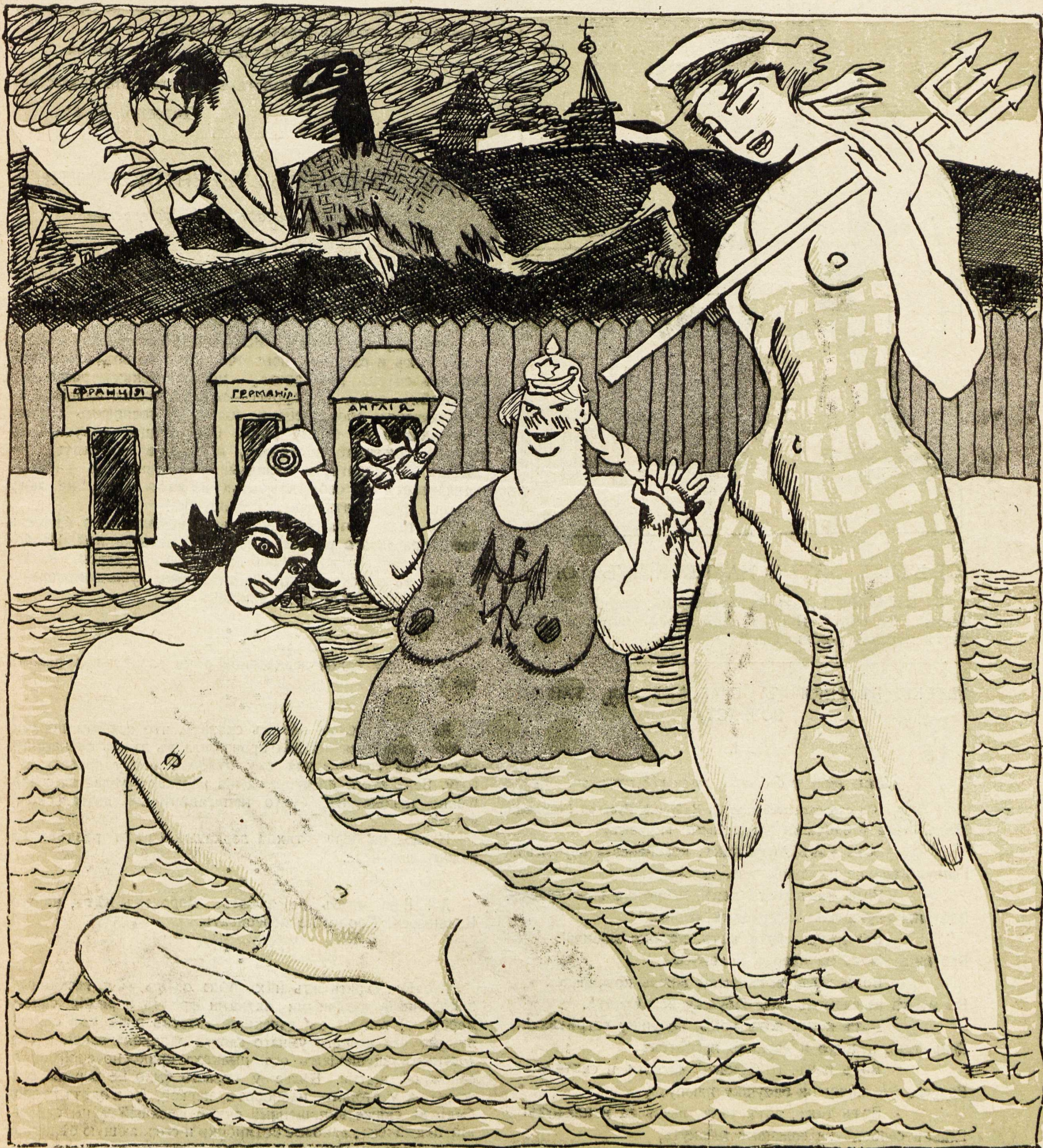
НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 17

ЦЕНА ОТД. Не въ розн. продажѣ 1 р. 25 к. и на ст. ж. д. 1 р. 40 к.

ИЮЛЬ 1918

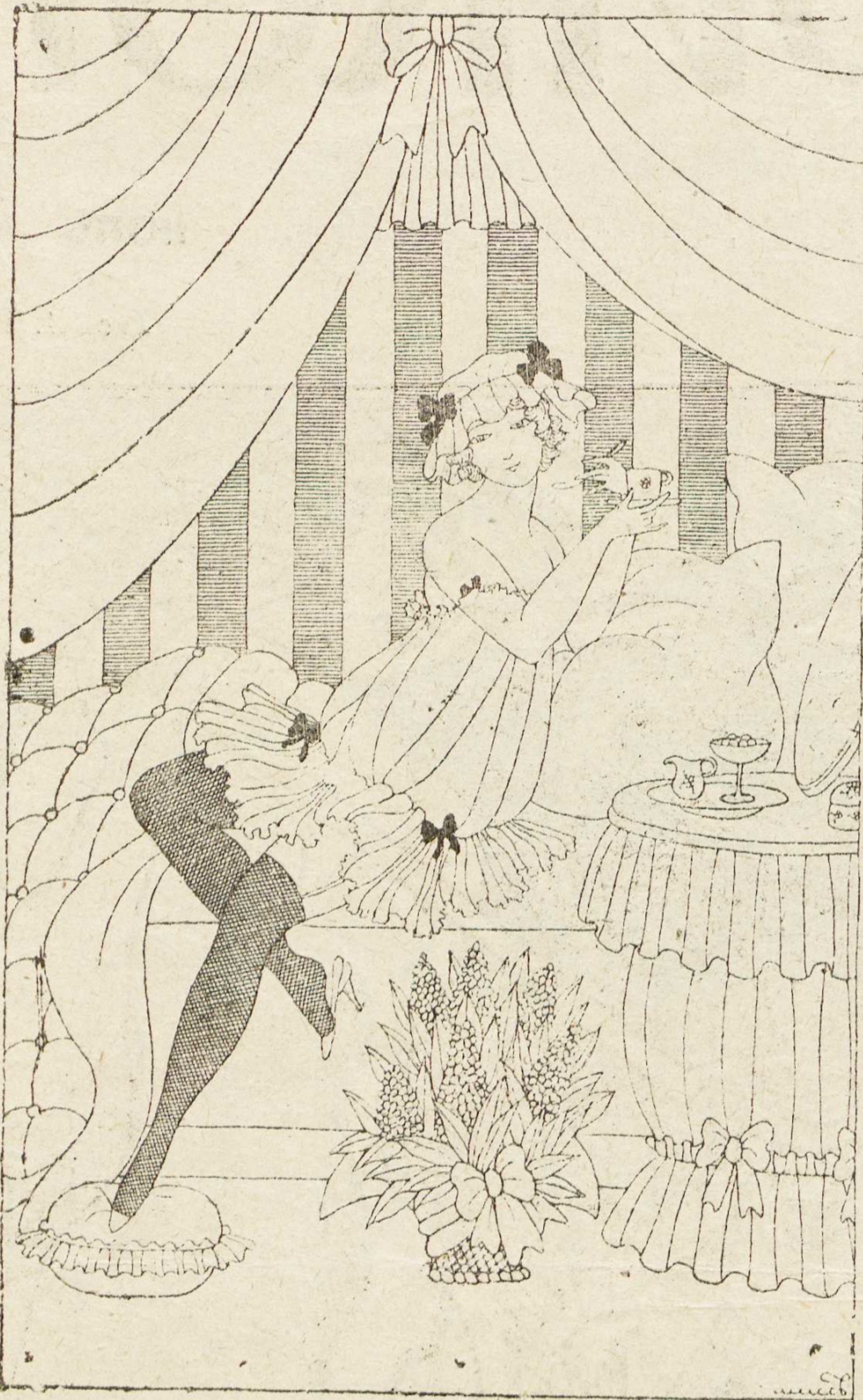
Рис. А. Раданова.

СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА БЕЗЪ МОРЕЙ.

Росія (тамъ, вдали): — Варшпейцы упрекають меня въ томъ, что я грязная... Еще бы! Сами всѣ мои моря отобрали и купаются, а меня и близко не подпускают!

Рис. Мисс.

СВѢТЛОЕ ПЯТНО НА ТЕМНОМЪ ФОНѢ ..

— Слава Богу! Хотя отъ одной болѣзни Россія избавилась... За отсутствіемъ у насъ морей—никто не заболѣетъ морской болѣзнию.

ДѢТСКІЯ ПѢСЕНКИ ВЪ ОБРАБОТКѢ ДЛЯ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

I.

«Жилъ былъ у бабушки стрѣнкій козликъ».

Со скорбью посвящается Бабушкѣ Русской Революціи.
 Жилъ былъ у бабушки красненькій внучекъ,
 Вотъ какъ, вотъ какъ, красненькій внучекъ...
 Глянуло солнце нежданно изъ тучекъ.
 Вотъ какъ, вотъ какъ, нежданно изъ тучекъ.
 Бабушка внука всѣмъ сердцемъ любила,
 Вотъ какъ, вотъ какъ, крѣпко любила!..
 Бабушка жизнь за народъ положила...
 Вотъ такъ, вотъ такъ, жизнь положила...
 Въ мартѣ веселомъ внукъ бабушку встрѣтилъ!..
 Вотъ какъ, вотъ какъ, бабушку встрѣтилъ!..
 День былъ недолго и ласковъ и свѣтель.
 Вотъ какъ, вотъ какъ, ласковъ и свѣтель.
 Вздумалось внуку на бабушку плюнуть,
 Вотъ такъ, вотъ такъ, взять да и плюнуть!
 Глазки свободѣ на волюшкѣ клонуть,
 Вотъ какъ, вотъ какъ, на волюшкѣ клонуть.
 Бабушка плачетъ въ безсонныя ночи,
 Вотъ какъ, вотъ какъ, въ безсонныя ночи...
 Внукъ хулиганить, надъ бабкой хохочетъ.
 Вотъ какъ, вотъ какъ, надъ бабкой хохочетъ.

Сталъ онъ дѣтиной косматымъ и пьянымъ,
 Вотъ какъ, вотъ какъ, косматымъ и пьянымъ.
 Носъ утираетъ всѣмъ Западнымъ странамъ,
 Вотъ, какъ, вотъ какъ, Западнымъ странамъ.
 Съ волками вмѣстѣ рѣшилъ поиграти,
 Вотъ какъ, вотъ какъ, рѣшилъ поиграти...
 Внука сожрали коварные тати,
 Вотъ какъ, вотъ какъ, коварные тати...

Бабушка волю собираетъ по крошкѣ,
 Вотъ такъ, вотъ такъ, собираетъ, по крошкѣ...
 Отъ внука остались рожки да ножки...
 Вотъ какъ, вотъ какъ, рожки да ножки...

Обработалъ для старшаго возраста—
Черный Томъ.

ГРАФЪ БРЯНЦЕВЪ и ТЕРЕНТІЙ БРЮКИНЪ.

Жупальный разсказъ Арк. Аверченко.

На берегу тихой зеркальной рѣки раздѣвались рядомъ два человѣ...

* * *

Ахъ, да, я и забылъ... Всѣмъ читателямъ, какъ молодымъ такъ и старымъ, порядочно таки навязъ въ зубахъ сюжетъ сотенъ разсказовъ, юмористическихъ рисунковъ въ отдѣлѣ смѣси и прочее—сюжетъ, заключающійся въ слѣдующемъ: оборванецъ и солидный господинъ рядомъ раздѣваются на берегу рѣки. Оборванецъ, выкупавшись раньше солиднаго господина, надѣваетъ его платье, цилиндръ и уходитъ, а солидный господинъ, съ плачемъ напяливаетъ на себя лохмотья и ха-ха... ой, не могу дальше продолжать—чистая уморушка!

Ну, такъ вотъ долженъ предупредить, что сюжетъ моего правдиваго разсказа не такой затасканный. Наоборотъ. Самый свѣжій. Какъ молоденькая редиска, раскушенная въ майское утро бѣлоснѣжными зубами молоденькой дѣвушки. Чего ужъ свѣжѣе!

Такъ вотъ.

* * *

На берегу тихой зеркальной рѣки раздѣвались рядомъ два человѣ...

* * *

Кстати! Совсѣмъ забылъ сказать, что вся эта поразительно правдивая исторія произошла въ этомъ совнаркомномъ 1918 году—земля ему пухомъ, этому прелестному году. Безъ этого предупрежденія разсказъ дѣлается совершенно непонятенъ, будто написанный на латгальскомъ языкѣ.

Итакъ: на берегу тихой зеркальной рѣки раздѣвались рядомъ два чел...

* * *

Да! Еще чтобъ не забыть... Впрочемъ нѣтъ, ничего. Извиняюсь. Прошу не перебивать.

* * *

...овѣка. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ потасканный, закопанный масляными пятнами френчъ и рыжіе сапоги вѣроятно, только въ далекомъ дѣтствѣ знакомые съ пріятнымъ для всякаго умнаго сапога запахомъ ваксы и сладостнымъ ощущеніемъ отъ пылкихъ прикосновеній бойко-сапожной щетки. Бѣлье у перваго было не первой свѣжести, а у втораго, наоборотъ, первой. Да и одѣтъ второй былъ въ свѣже вычищенный рукой любящей жены стрѣнкій пиджачекъ, лаковые ботиночки и сверкающую бѣлизной соломенную шляпу. А у перваго была каскетка съ оторванной пуговицей въ центрѣ и сломаннымъ посрединѣ козырькомъ...

Раздѣвались...

— Какъ вы думаете, холодная вода?—спросилъ элегантный господинъ измызганнаго пролетарія.

— Не твое дѣло, жидовская морда,—находчиво отвѣчалъ пролетарій, стаскивая рыжіе сапоги.

— Что вы!—удивился эlegantный.—Съ чего вы взяли, что я еврей. Я князь Брянцевъ.

— Тоже хорошая птица. Поѣздили на насъ.

— Даю вамъ честное слово—никогда я не позволялъ этого. Раньше у меня была пара сѣрыхъ въ яблокахъ, а теперь пѣшкомъ хожу...

— Понимаемъ-съ. Для моціену? Обжирѣли больно.

— Что вы! Я вѣдь по четвертой категоріи: одну шестнадцатую хлѣба и пять селедокъ. Повѣрите ли—ужасно трудно ѣсть! Непропорціональность между количествомъ хлѣба и селедокъ. На каждую селедку приходится кусочекъ хлѣба съ орѣхъ.

— Лопай что даютъ.

— И ѣмъ. Непріятно только, что трамваи такъ вздорожали—пѣшкомъ приходится ходить... Опять же эти желтые билеты на буржуазныхъ домахъ. Обыски въ квартирѣ черезъ день.

Князь Брянцевъ грустно помолчалъ и потомъ спросилъ сочувственно:

— Боюсь, что вамъ всѣ эти затрудненія еще тяжелѣй?

— Мнѣ-то? (Измызганный господинъ самоудовлетворенно захохоталъ). Я хоть и не князь какой—Терентій Брюкинъ мнѣ фамилія—однаже, слава-те Господи! Паекъ у насъ по первой категоріи—полфунта, яйца намъ опять же полагаются, крупа, но это дѣло десятое. А, главно-дѣлыча, что моторъ завсегда къ моимъ услугамъ, потому какъ я состою выборнымъ лицомъ въ нашемъ профессиональномъ союзѣ трамвайныхъ метельщиковъ.. это тебѣ не твои паршивыя сѣрыя въ яблокахъ! И вопчѣ, говоря, дивлюсь я на васъ буржуазовъ: какъ вы еще скрипите? Подыжали бы скорѣй, только подъ ногами путаетесь.

Брюкинъ лукаво подмигнулъ задумчивому князю и первый полѣзъ въ воду.

— Будьте любезны сказать, какъ температура?—освѣдомился князь, снимая черезъ голову бѣлую съ полосками шелковую рубашку.

— Здоровый градусъ, ѣдятъ его мухи съ комарами! Ого-го-го!

Онъ жизнерадостно прыгалъ, нырялъ, растиралъ волосатую грудь корявыми мозолистыми руками и, наконецъ, лихо гикнувъ, поплылъ на противоположный берегъ...

Лицо князя Брянцева озарилось дьявольской улыбкой. Онъ хищно оскалилъ зубы и, какъ змѣя сталъ подползать къ пролетаріеву бѣлью. Еще минута и—заношенная сѣрая рубашка и прочее очутились на его плечахъ и ногахъ. Другая минута—и рыжіе сапоги облекли князевы изящныя ноги, а замасленный френчъ заболтался на его худомъ тѣлѣ, какъ на вѣшалкѣ.

Онъ пренебрежительно ткнулъ ногой вальяшеся на песокъ свое шелковое бѣлье и аккуратно сложенный костюмчикъ, издалъ радостный, полный гнуснаго торжества крикъ, и побѣжалъ вверхъ по отлогому берегу, гдѣ между деревьевъ маячилъ черный сверкающій лимузинъ.

А простодушный Терентій Брюкинъ, доплылъ до противоположнаго берега, присѣлъ на камушкѣ, оглянулся и—леденящій душу крикъ исторгся изъ груди его: съ одного взгляда понялъ онъ—какую страшную штуку сыгралъ съ нимъ великосвѣтскій злодѣй.

— Князь, куда! Стой! Отдай мой костюмъ! Кня-я-я зы! Пощади!

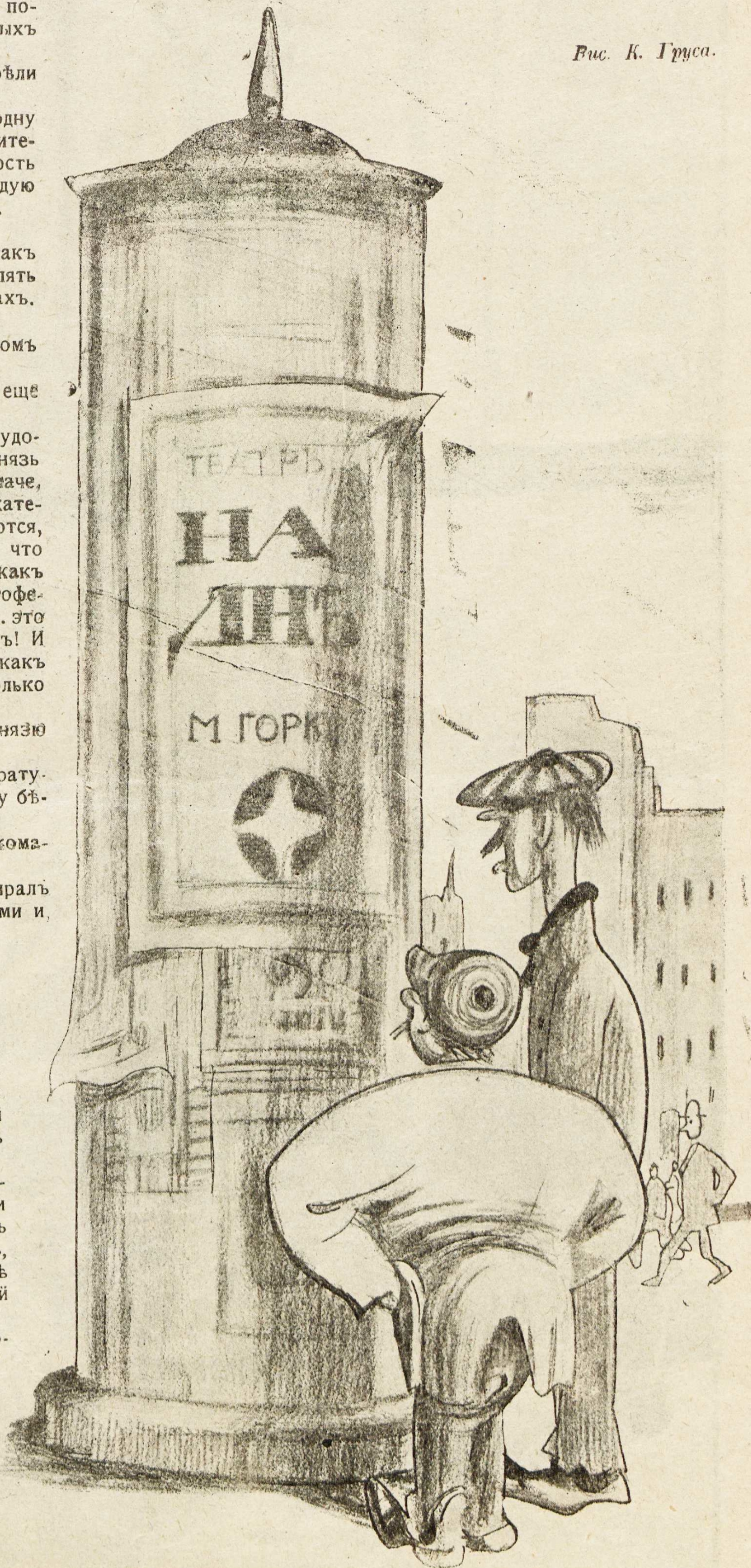
Въ нѣсколько взмаховъ своихъ жилистыхъ рукъ онъ очутился на противоположномъ берегу.

Но—было поздно! Князь заливаясь демоническимъ хохотомъ затрубилъ побѣдно и нагло въ рожокъ, и автомобиль плавно двинулся вдаль.

Дрожащій отъ холода и ужаса Терентій Брюкинъ схватилъ пиджакъ князя и сталъ шарить въ карманахъ...

Такъ и есть! Въ очень щегольскомъ, но очень потертомъ бумажникѣ онъ обнаружилъ слѣдующее: паспортъ на имя свѣтлѣйшаго князя Брянцева, двѣ скомканныя сиротливыхъ керенки желтаго цвѣта, на рубль марокъ, сообщеніе о реквизиціи сейфа, сообщеніе о муниципали-

Рис. К. Груса.

ПОЛИТИКА ВЪ ИСКУССТВѢ.

— Ого! Надо сходить на это... Навѣрное, что нибудь о нашемъ черноморскомъ флотѣ.

Купальный курортъ на третьемъ дворѣ...

зации совдепомъ двухъ княжескихъ домовъ, сообщеніе о захватѣ крестьянами имѣнія „Брянцево“, сообщеніе о наложеніи штрафа за контръ-революцію въ десять тысячъ и... продовольственная карточка по четвертой категоріи: $\frac{1}{16}$ фунта хлѣба и пять селедокъ...

Горько зарыдалъ несчастный Брюкинъ и грянулся о сыпучій песокъ... Все погнбло: его положеніе въ свѣтѣ, его первая категорія, его мандатъ и, главное, связанный съ нимъ лимузинъ и почетъ!

Кто онъ сейчасъ? Несчастный свѣтлѣйшій князь Брянцевъ, владѣлецъ двухъ домовъ, сейфа и имѣнія... А кѣмъ онъ былъ до этого? Трамвайнымъ метельщикомъ!..

И вотъ—изъ метельщиковъ въ свѣтлѣйшіе князья—какъ въ сказкѣ—у разбитаго корыта очутился бѣдный обокраденный Брюкинъ Терентій.

А по полямъ, по лугамъ мчится сверкающей совдепскій лимузинъ и оттуда несется сардоническій хохотъ сіятельнаго злодѣя, гнусной интригой превратившагося въ метельщика Терентія Брюкина...

Но есть же Богъ на свѣтѣ! Есть же справедливости!

И сдѣлаетъ же Богъ такъ, что снова будетъ добродѣтельный Терентій Брюкинъ подметальщикомъ улицъ, а гнусный псевдо-князь Брянцевъ—настоящимъ княземъ!

Или иначе—нѣтъ справедливости на свѣтѣ!!!

Архадій Аверченко.

Р. С. Хорошо, что этотъ рассказъ я написалъ теперь, лѣтомъ 1918 года. А напиши я его лѣтомъ 1915 года—никто бы ничего не понялъ и всѣ бы рѣшили, что я съума сошелъ.

Нѣтъ, я себѣ на умѣ.

А. А.

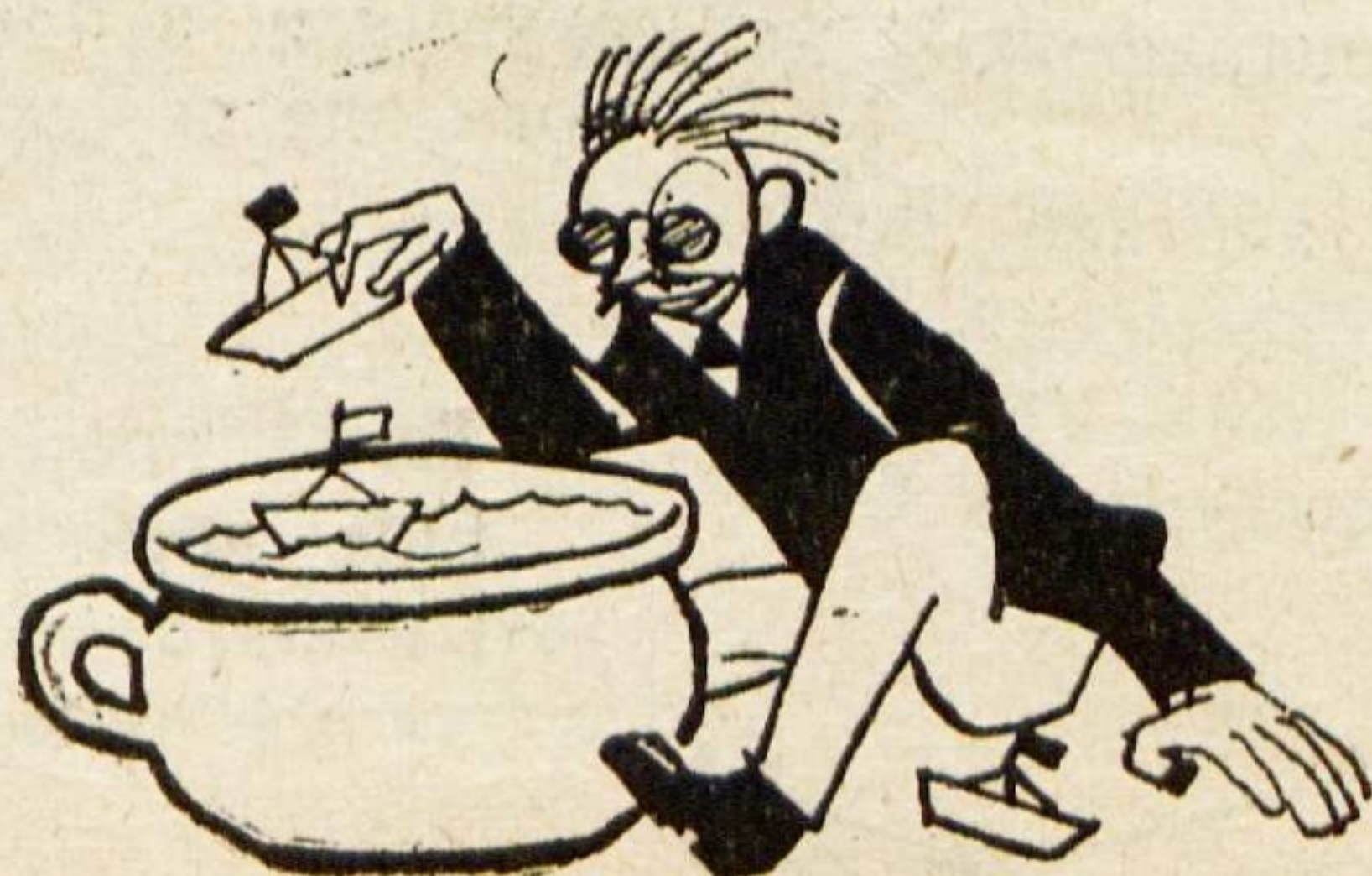
КУПАНІЕ И БРЕСТСКІЙ ДОГОВОРЪ.

Въ брестскомъ договорѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ его, которыя опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, не содержится пункта, который ограничивалъ бы русскихъ гражданъ въ неотъемлемо присущемъ каждому человѣку правѣ купанія. Прямо ни въ договорѣ этомъ, ни въ сопровождающихъ его приложеніяхъ не сказано: „купаться русскимъ воспрещается“. Но изъ сопоставленія договора въ его цѣломъ и приложенныхъ къ нему отдѣльныхъ трактатовъ съ географической картой Россіи ясно вытекаетъ необходимость для всѣхъ совдепскихъ подданныхъ обратиться отъ купанія морского и рѣчного или, такъ сказать, публично-правового купанія,—къ купанію въ корытѣ, т. е., выражаясь научнымъ языкомъ, къ купанію частно-правовому.

Исходя изъ констатированнаго выше факта, слѣдуетъ предположить, что частно-правовое купаніе въ брестской Россіи получить необыкновенно широкое распространеніе. А это открываетъ грандіозныя перспективы для корытныхъ фабрикъ и заводовъ, тѣмъ болѣе, что эта отрасль промышленности еще не национализирована. Въ расширеніи существующихъ уже корытныхъ заводовъ, и въ созданіи новыхъ, рассчитанныхъ на грандіозный сбытъ, заключается, такимъ образомъ, одна изъ ближайшихъ задачъ русскаго совдепскаго генія.

Кромѣ купанія въ водѣ, существуетъ еще нѣсколько видовъ такъ называемаго сухого купанія, изъ коихъ самымъ распространеннымъ было купаніе въ золотѣ. По брестскому договору, купаніе въ золотѣ опять-таки прямо не воспрещается, но ему ставятся непреодолимые препятствія. Естественно, что нельзя купаться въ золотѣ, когда его нѣтъ и быть не можетъ. Но купаніе въ золотѣ можетъ быть во многихъ случаяхъ замѣнено, даже не въ обходъ брестскаго договора, сухимъ-же купаніемъ въ керенкахъ, маркахъ или бонахъ. Это послѣднее купаніе, конечно, не можетъ такъ освѣжать, какъ купаніе въ золотѣ, но въ качествѣ временнаго Эрзатцъ-купанія оно вполне приемлемо.

Несмотря на хваленую свою предудительность и дальновидность, нѣмцы проморгали одинъ изъ видовъ купанія, весьма въ Россіи распространен-

ный, и не поставили ему рѣшительно никакихъ-ни прямыхъ, ни косвенныхъ препятствій. Мы имѣемъ въ виду купаніе русскихъ драматическихъ и опереточныхъ актрисъ въ ихъ роляхъ.

И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эта свобода должна быть использована актрисами совдепской Россіи полностью!

Влад. Азовъ.

НѢМОЙ.

(Почти басня).

Посвящ. говорлицей родинѣ.

Жилъ былъ Нѣмой...

По виду богатырь: въ косую сажень плечи,

Грудь колесомъ и, какъ гранитъ, кулакъ,

Да только, вотъ, лишень былъ дара рѣчи...

Вокругъ него, бывало, кавардакъ

Отъ всякихъ словъ и словоизверженья,

А онъ, весь красный отъ потугъ

Мычитъ, творя какія-то движенья...

Какъ вдругъ

Случилось чудо:

Представъ предъ сборищемъ гуторящаго люда,

Нѣмой, по волѣ тайныхъ силъ,

Заговорилъ!

Обрадовались всѣ, и въ честь Нѣмого

Пошли пиры, какихъ не видѣлъ свѣтъ...

Не шутка, вѣдь: на склонѣ лѣтъ

Къ молчальнику вернулась радость снова!

Весь первый день Нѣмой не умолкалъ...

Сгустились сумерки, въ домахъ зажгли свѣчи,—

Нѣмой все говорилъ... Текли за рѣчью рѣчи,

И словъ каскадъ бурлилъ и клочоталъ.

Кой кто зѣвнулъ, но все осталось втунѣ,—

Нѣмой не уставалъ... (Эхъ, знать, не отлегло!).

Настала ночь и снова разсвѣло,

Но и разсвѣтъ засталъ Нѣмого на трибунѣ...

(Какъ только челюсти бѣднягѣ не свело!).

И третій день пришелъ, и наступилъ четвертый,—

Тирадамъ нѣтъ конца,

Оратора всѣ посылаютъ къ чорту,

Всѣ—ненавидятъ молодца!..

Недѣля протекла,—ораторъ все въ ударѣ,

Все сыплеть стрѣлами изъ истинъ и цитадъ...

Откуда-то ударили въ набатъ,

Давая знать народу о пожарѣ,—

Нѣмой ни съ мѣста. Кое кто

Свалился въ обморокъ,—увы, не помогаетъ...

Толпѣ уже не въ мочь... Толпа рѣдѣетъ, таетъ,—

Нѣмой, не глядя ни на что,

Все говоритъ отъ чувствъ своихъ избытка,

И...кончится-ли эта пытка,

Пройдетъ-ли у Нѣмого ражъ,—

Никто не знаетъ... Вотъ и весь пассажъ!

Мораль?

Въ ней надобность имѣется едва-ль:

Нѣмой—хорошъ-ли, плохъ-ли—

Конечно, быть нѣмымъ не долженъ,—
это да,

Но.. правильно-ль, скажите, господа,

Что отъ Нѣмыхъ всѣ прочіе оглохли?:

Яв. Сосновъ.

СЪ МІРУ ПО НИТКѢ...

— Съ міру по пулѣ, голодному гробъ

ГОРОХОМЪ ОБЪ СТѢНУ.

„Старый другъ лучше новыхъ двухъ“.

- Какого цвѣта будетъ новый флагъ свободной Россіи?
- Вѣроятно, прежній останется: красно-бѣло-синій.
- Почему?
- Въ ознаменованіе красной гвардіи и бѣлой гвардіи.
- А синій цвѣтъ откуда?
- Помилуйте, самый главный русскій цвѣтъ: жандармскій.

Ассоціація.

- Скажите, чѣмъ кончился судъ подъ Дыбенкой?
- Не знаю. Кстати, о Дыбенкѣ: не знаете, гдѣ можно спирту достать?

Партійныя различія.

- Вы анархистъ—синдикалистъ? Или индивидуалистъ?
- Нѣтъ я анархистъ—взломистъ—кассистъ. Несгораемая касса взламываю.

Замкнутый кругъ.

Петръ Великій началъ съ того, что построилъ свой флотъ на маленькой Яузѣ. Боюсь, что мы этимъ кончимъ.

КАКЪ ЭТО ДѢЛАЕТСЯ.

... Карьеры литературныхъ неудачниковъ имѣютъ свой строго законѣрный путь. Въ редакцію журнала заходилъ неизвѣстный молодой человѣкъ, въ сѣрой пиджачной тройкѣ, въ пенснэ и въ угряхъ. Онъ держалъ себя робко, почтительно, крѣпко жаль руку сторожу и смущался при видѣ секретаря. Онъ приносилъ стихи; много стиховъ; очень много стиховъ. Секретарь просматривалъ стихи и небрежно говорилъ:

— Не хорошо, знаете... Нѣтъ у васъ легкости, пареня. Парнасъ не чувствуется.

Потный и сконфуженный неудачникъ бормоталъ о разрывѣ съ любимой женщиной, получалъ стихи и приносилъ черезъ недѣлю новые. Черезъ мѣсяць-другой неудачникъ начиналъ поставлять прозу: рассказы, повѣсти и большіе романы. Секретарь пунктуально отклонялъ и то, и другое, и третье.

— Нѣтъ въ вашихъ рассказахъ свѣжести, нѣтъ художественнаго импрессионизма. Возьмите, на примѣръ, Мопассанъ...

Неудачникъ забиралъ рукописи и приходилъ черезъ недѣлю.

Вся редакція знала молодого человѣка, и хотя никто не былъ точно осведомленъ о его фамиліи, его дружески похлопывали по плечу, угощали папиросами и считали своимъ человѣкомъ. Черезъ годъ неудачникъ исчезалъ. О немъ быстро забывали, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный день кто-либо изъ сотрудниковъ не приходилъ въ редакцію съ номеромъ вечерней газеты и рассказывалъ:

— Понимаете, какая исторія! Помните Одулинскаго? Приходилъ къ намъ такой... Навѣрно не знаете. Маленькій, прыщавый такой, стихи носилъ, рассказы писалъ... Вотъ сегодня есть замѣтка — „Вчера въ клубъ футуристовъ произошелъ скандалъ, вызвавшій вмѣшательство полиціи. Глава футуристической секты „Аполлинаріевъ“ г. Одулинскій, явившись въ клубъ совершенно нагимъ, съ одѣяломъ на плечахъ и букетомъ хризантемъ подъ мышкой читалъ стихи и разбивалъ лимонадныя бутылки на собственной головѣ. Полиція составила протоколъ. Клубъ оштрафованъ на 500 рублей“.

Когда же въ газетахъ появилась телеграмма изъ Курска о томъ, что „столичный футуристъ Оду-

линскій, выступивъ въ мѣстномъ циркѣ, читалъ свои стихи, верхомъ на лошади, съ половой щеткой въ рукахъ“, — карьера неудачника считалась счастливо законченной и онъ получалъ признаніе. О немъ писали фельетонисты, его изображенія — верхомъ на лошади, съ половой щеткой въ рукахъ — помѣщались въ журналахъ, а добросовѣстные литературные обозрѣватели постоянно упоминали его имя, оплакивая нарушенные завѣты Михайловскаго.

* * *

Жиль-былъ на свѣтѣ такой Коркинъ.

Онъ не обладалъ столь крѣпкимъ здоровьемъ, чтобы сдѣлать карьеру путемъ разбитія лимонадныхъ бутылокъ на собственномъ черепѣ. Не могъ онъ ѣздить на цирковой лошади такъ какъ съ дѣтства боялся собакъ, крысъ лошадей и прочихъ представителей фауны и флоры. Коркинъ впалъ въ меланхолію. Но судьба печется объ отверженныхъ; и, — какъ говорится въ дѣтскихъ христоматіяхъ, — освѣщаетъ лучемъ надежды хижины бѣдняковъ. Судьба послала Коркину революцію. Нѣкоторые изслѣдователи высказывались даже въ томъ смыслѣ, что революція была произведена петроградскимъ гарнизономъ исключительно для Коркина, но я лично считаю эту гипотезу нѣсколько преувеличенной.

Коркинъ сталъ анархистомъ. Онъ собралъ нѣсколько энергичныхъ молодыхъ людей и сказалъ имъ:

— Мы анархисты. Давайте издавать газету.

Молодые люди переминались съ ноги на ногу.

— Трудно это, на счетъ газеты. Вотъ если бы несгораемая касса «Колумбъ», — это вольготнѣе...

Но Коркинъ разубѣдилъ своихъ товарищей въ трудности газетнаго дѣла. Онъ доказалъ ясно и точно, какъ дважды-два-четыре, что нѣтъ ничего болѣе легкаго, чѣмъ издавать газету, и если еще трудно набирать и печатать, то писать — легче всего.

Товарищи-анархисты скоро убѣдились въ справедливости словъ Коркина. Набирать газету, верстать, печатать было не легко, но писать — совсѣмъ не трудно. Коркинъ требовалъ въ своихъ статьяхъ уничтоженія университетовъ, отмѣны всѣхъ наукъ, прекращенія книгопечатанія, упраздненія грамотности. Его перомъ водила тайная мысль — если отмѣнить письменность и упразднить литературу, то онъ, Коркинъ останется единственнымъ русскимъ писателемъ! Онъ заказалъ себѣ тайкомъ визитныя карточки: «Коркинъ — единственный писатель Великой и Малой Россіи».

Всю жизнь Коркину приходилось бороться съ таинственнымъ человѣкомъ, носившимъ странную двойную фамилію Кирпичниковъ-Гиляровъ. Этотъ невѣдомый Кирпичниковъ-Гиляровъ всегда былъ заклятымъ врагомъ Коркина. Кирпичниковъ-Гиляровъ въ своемъ учебникѣ русской грамматики требовалъ отъ Коркина невыполнимыхъ вещей. Онъ разбивалъ вдохновеніе, онъ порождаетъ жестокія обиды; это онъ, злобный Кирпичниковъ-Гиляровъ науськивалъ корректоровъ, которые ехидно вылавливали въ рассказахъ Коркина лишнія ять и невѣрно поставленныя запятые. Коркинъ приказалъ своимъ софракціонерамъ предать Кирпичникова-Гилярова самосуду, и жестокая расправа не состоялась только потому, что по наведенію справокъ выяснилось; Кирпичниковъ-Гиляровъ въ столицѣ не проживаетъ.

Коркинъ пишетъ.

Коркинъ — анархистъ.

* * *

Теперь писателямъ грозитъ большая опасность. Мстя за былыя неудачи, Коркинъ, — какъ передаютъ, далъ торжественную клятву: какъ только анархисты захватятъ государственную власть, — разстрѣлятъ всѣхъ писателей, четвертовать всѣхъ редакторовъ, не принимавшихъ его рукописи, и немедленно разыскать Кирпичникова-Гилярова для строжайшаго суда и наказанія.

* * *

Такъ произошелъ Коркинъ.

Еще древніе финикіяне говорили „Бородатые люди встрѣчаются часто; глупые люди встрѣчаются еще чаще; дураковъ очень много; а Коркинъ одинъ.“

Вор. Мирскій.

НОВЫЯ ДЕНЬГИ.

Въ виду недостатка размѣнныхъ денегъ, совѣтское правительство предполагаетъ выпустить новыя бонны.

Ужъ давненько пропали
Золотыя монетки,
А теперь что-то стали
И кредиточки рѣдки.
Торопитесь, ребята,
Прячьте дальше керенки.
Будутъ снова деньжата—
Колонтайки да ленки.

Л. Барковский.

ПИСЬМО ТУДА.

Милый „Пролеткультъ“!

Мнѣ тридцать четыре года, меня зовутъ Леней и ты мнѣ очень нравишься. Хотя я и маленький, но я тоже замѣтилъ, что до сихъ поръ наше искусство было очень буржуазнымъ и этому предательству надо положить конецъ.

Не знаю съ чего началъ ты, милый „Пролеткультъ“, а я думаю начать съ самыхъ буржуазныхъ стихотвореній, которые заставляли насъ въ гимназій учить бѣлогвардейцы въ учительскихъ сюртукахъ и рѣшительно подчистить ихъ, чтобы дѣти пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства въ школахъ могли изучать не буржуазныя выдумки, а настоящую классовую правду.

Помнишь, напримѣръ, знаменитое стихотвореніе „Зима, крестьянинъ торжествуя...“? Ну, кто теперь повѣритъ, что порядочный крестьянинъ, имѣя подъ рукой хорошей запасъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія дожидается зимы только для того, чтобы схватить свои дровни и таскать ихъ по снѣгу. Поэтому, эту устарѣлую ложь лучше всего подновить соответствующимъ началомъ:

— Весна, крестьянинъ негодуя
Свой обновляетъ пулеметъ;
Его семья, стрѣльбу почуя,
Стоитъ и смотритъ у воротъ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ—
Ему уже прострѣлили пальчикъ.
Ему и больно и смѣшно:
Онъ взялъ и выстрѣлилъ въ окно.

Вообще, описаніе деревенскаго быта и сельской природы буржуазными писателями велось подлѣ угломъ пятака за фунтъ крупчатки и пирожныхъ по три копейки. Никто изъ нихъ не захотѣлъ трезво и практически посмотреть на дѣло. Поэтому одно изъ популярныхъ стихотвореній лучше всего начать такъ:

Нива моя нива, нива золотая,
Зрѣешь ты на солнцѣ, булки обѣщая.
Вотъ придутъ крестьяне и сожнутъ верхушки,
Будутъ выдавать намъ по одной восьмушкѣ.
Знаю быть зимою разнымъ этимъ нивамъ
Купленными нашимъ кооперативомъ!

Кстати—даже Некрасовъ, этотъ казался бы народный пѣвецъ, не сумѣлъ обойти буржуазныя финтифлюшки и не смогъ начать нѣсню о Еремушкѣ простыми ясными словами:

— Сила ломить и соломушку,
Поклонись пониже ей,
Чтобы солому ту Еремушкѣ
Въ хлѣбъ натыкали скорѣй.

А развѣ это не издѣвательство, когда въ дни возможной девальвации и всяческаго учета золота, дѣтей начинаютъ обучать:

— Золото, золото падаетъ съ неба!

Мы прекрасно понимаемъ, что золото съ неба если и упадетъ, то совсѣмъ не въ нашъ карманъ, а если-бы и стало падать, такъ его еще въ воздухѣ успѣли-бы размѣнять на керенки. Поэтому гораздо приличнѣе начать стихотвореніе такъ:

— Золото, золото падаетъ съ неба!—
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ.
Полночь, дѣти, кричатъ... подождемъ:
Если бы сверху намъ бросили хлѣба!
Золото власть все равно отберетъ,
Хлѣбъ уписалъ—не распорятъ животъ.

Одинаково фальшиво звучать у представителей буржуазнаго искусства и идиллическія картинки, которыя раньше кого-то трогали. Извѣстный рассказъ о малюткѣ, котораго подобрала старушка, накормила и обогрѣла-вызоветъ только улыбку. Малютки чувствуютъ себя превосходно, если-же нѣтъ—быстро вымираютъ, что-же касается старушекъ, которыя ходятъ по улицамъ, то большинство изъ нихъ продаетъ миндальныя печенья по три рубля за штуку и совсѣмъ имъ некогда возиться съ чужими малютками.

Гораздо правдоподобнѣе было-бы начать такъ:

Вечеръ былъ, сверкали
звѣзды—
Почему имъ не сверкать?—
Шелъ по улицѣ малютка
И хотѣлъ ужасно жрать.
Шла дорогой той старушка,
Продавая шоколадъ,
Тутъ-же рядомъ папиросы
Продавалъ одинъ солдатъ.

Оба сразу догадались,
Что малютка дуралей
И обдѣлали малютку
На четырнадцать рублей.
Шелъ малютка съ шоколадомъ
И съ коробкой папиросъ
Негодую, что зачѣмъ-то
Чертъ двухъ жуликовъ принесъ.

Я уже не говорю о томъ, что бесконечно легко придать чисто классовый характеръ, (въ сторону преобладанія пролетарскихъ нотокъ) даже избитой „Птичкѣ Божіей“, начавъ ее нѣсколько уклончиво:

Птичка очень даже знаетъ
И заботы и труды,
На собраньяхъ поспѣваетъ
Каждый день туды—сюды.
У станка чуть чуть подремлетъ,
А когда спугнетъ гудокъ,
Моментально птичка внемлетъ
И сейчасъ-же на утекъ.

А дальше все зависитъ отъ чисто мѣстныхъ условій и характера фабричнаго предприятия, въ которомъ птичка работаетъ.

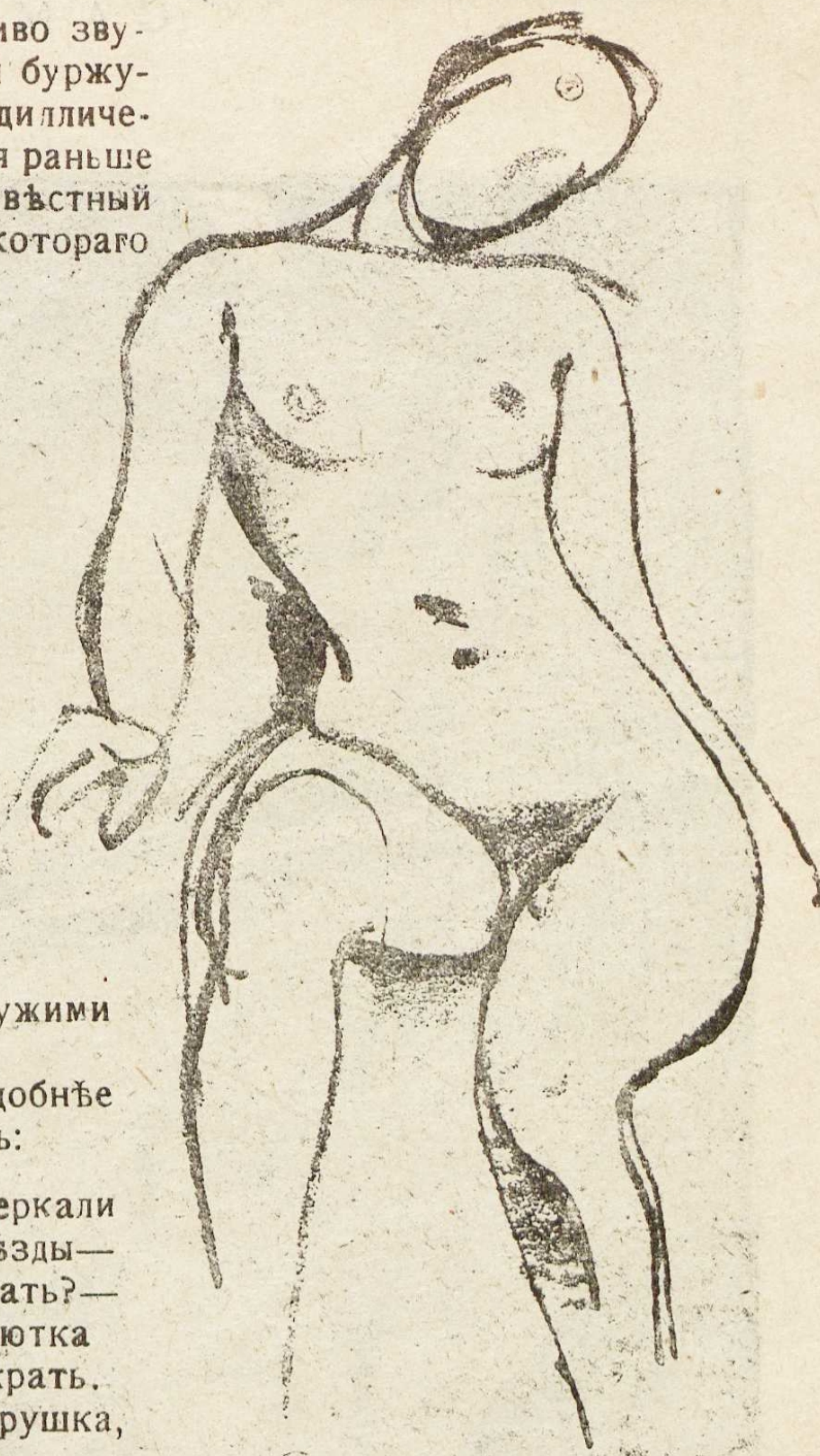
Милый „Пролеткультъ“! Я уже писалъ, что мнѣ тридцать четыре года и меня зовутъ Леней. Я думаю этого достаточно, чтобы ты меня пригласилъ реформировать искусство. Разстояніемъ не стѣсняюсь. Согласенъ въ отъѣздъ.

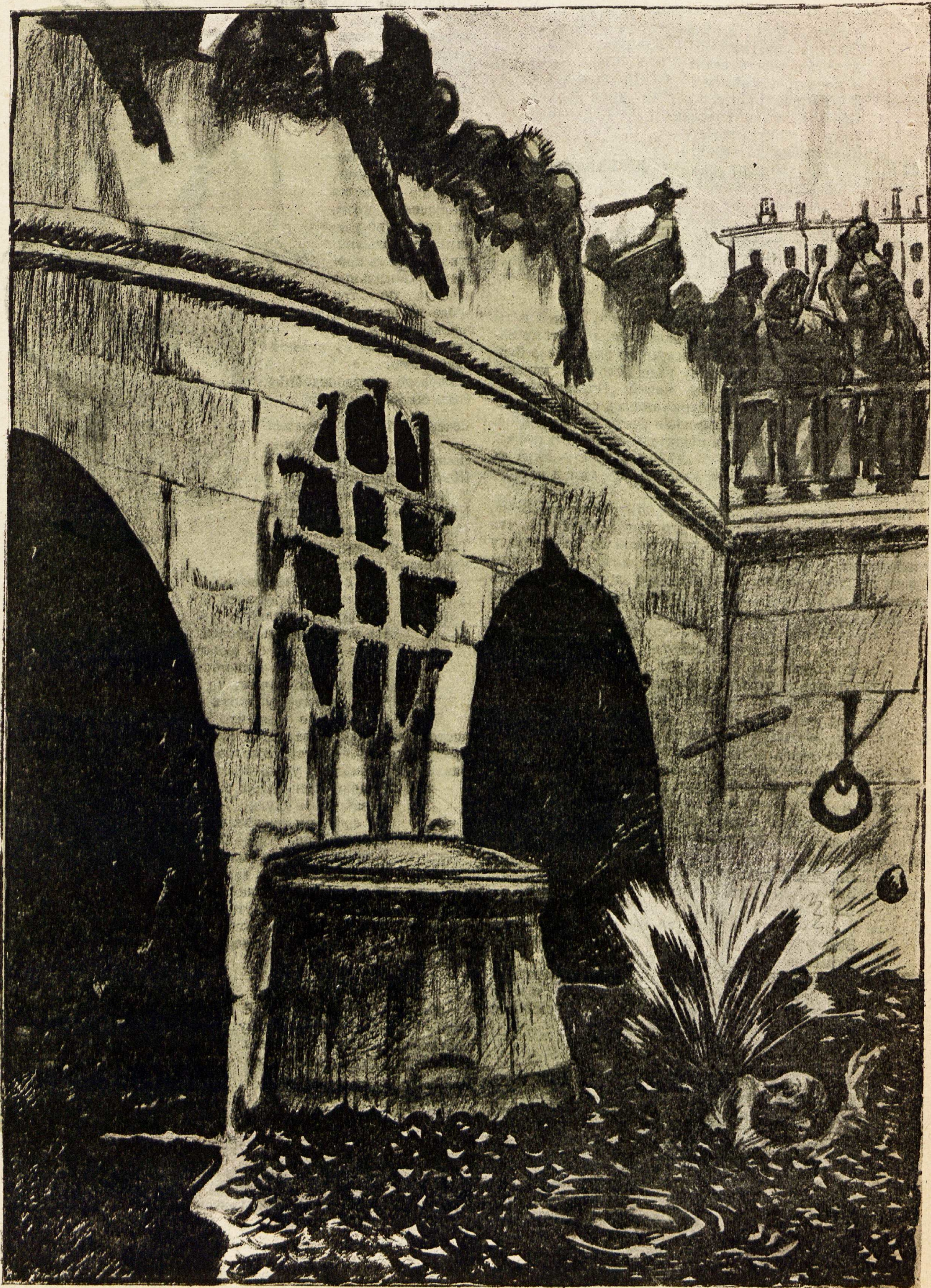
Арх. Буховъ.

ПЛАТФОРМА.

Одного простоватаго человѣка спросили:

— Ты радъ, что „Красная Газета“—единственная, которую не закрыли?
— Очень радъ.
— А почему ты радъ?
— Да я всему красному радъ.
И всѣ засмѣялись и онъ тоже засмѣялся.

Купальный сезонъ въ Петроградѣ открытъ...

„Другъ Россіи“: — Какъ? Вы хотите ей еще одни пузыри бросигь? Не стоитъ. Она уже свои пузыри пускаетъ!

МОЙ ДРУГЪ N И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

— Человѣчество несчастно, — сказалъ я.

— Потому что — глупо, — сказалъ мой другъ N, — покажи ему палець, онъ уже въ паникѣ. Какое ужъ тутъ счастье, если изъ всѣхъ органовъ, отпущенныхъ ему Господомъ, идеально работаютъ только „поджилки“.

Умнаго человѣка не ввергнешь ничѣмъ въ паническое состояніе. А дурака... Да я, ей-Богу, не знаю, чѣмъ только его нельзя вогнать въ панику? Онъ ввергается самъ. Механически. И поводъ тутъ не при чемъ!

— Да! Тебѣ хорошо разсуждать, если у тебя вонъ стоитъ на столѣ цѣлая корзина свѣженькихъ, чистыхъ яичекъ, — подумалъ я про себя и покосился завистливо на корзину.

Мой другъ N истолковалъ этотъ взглядъ по своему:

— Я знаю, что ты подумалъ сейчасъ. Ты подумалъ, что я легкомысленно нѣсколько говорю о серьезныхъ вещахъ. Ты посмотрѣлъ на корзинку, и въ головѣ у тебя мелькнуло: „небойсь покажи человѣчеству вотъ эти четыре десятка чудеснѣйшихъ штучекъ, ужъ, навѣрное, оно не испугается“. Правильно я тебя понялъ? Не отвѣчай! Все ровно я прочелъ твою мысль. Ну и что же? Я думаю, знаешь, по этому поводу, что даже и эти невинныя штучки могли бы создать настоящую панику. Только нужно подумать — какимъ ихъ концомъ показывать.

— Да я...

— Не мѣшай!

— Но я и не ду...

— Не мѣшай, говорю! Разъ ты позволилъ себѣ усмниться въ справедливости моихъ заключеній, долженъ же я доказать, чертъ возьми, что словами бросаться не входило въ мои намѣренія.

N всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ съ опущенной головою.

Я сидѣлъ и молчалъ. Все равно, вѣдь, его не удержишь.

— Ну, конечно! Нашелъ!

— Что нашелъ?

— Способъ! Какъ при помощи вотъ этихъ яицъ создать панику.

— Seriously?

— Ну да! Это же просто до крайности, какъ и все гениальное. Я беру вотъ сейчасъ эту самую корзинку...

Другъ мой N взялъ корзинку.

— И иду съ ней... ну, скажемъ на уголъ Литейнаго и Невскаго.

Другъ мой N надѣлъ кэпи и быстро направился къ выходу.

Я нашелъ свою шляпу и догналъ его уже на панели.

— Тамъ я стану — продолжалъ онъ, развивать свою мысль — и буду выкрикивать „а вотъ свѣжія яйца! Только что изъ подъ собственныхъ куръ! Двадцать копѣекъ десятокъ! “О ты, увидишь тогда, что получится! Прежде всего у корзины образуется хвостъ въ нѣсколько тысячъ; затѣмъ, въ первую голову, заинтересуются мною сосѣдніе продавцы; и когда убѣдятся, что я не шучу, а дѣйствительно продаю по двадцати копѣекъ за десятокъ, на физиономіяхъ ихъ появится выраженіе самой определенной растерянности. Увѣряю тебя, дѣло сдѣлано! Черезъ какой-нибудь часъ во всѣхъ концахъ города будетъ извѣстно, что на углу Невскаго и Литейнаго свѣжія яйца продаются по двадцать копѣекъ десятокъ, заработаютъ телефоны, сообщать въ комиссаріатъ, заработаютъ глупыя головы; кто-то особенно глупый рѣшитъ, что тутъ неспроста; что вѣроятно подъ городомъ чехо-словаки; настроеніе крѣпнетъ; слухи растутъ и ширятся; магазины уже закрываются; восемь предовиковъ въ редакціяхъ пишутъ статьи о „неожиданномъ переломѣ“ на рынкахъ; цѣны летятъ кувиркомъ; на биржѣ, чертъ знаетъ, что дѣлается. Хо-хо! Сотни тысячъ людей спѣшатъ къ центру города; конные отряды скачутъ куда-то: мосты всѣ разведены; вотъ тебѣ, милый мой, и самая настоящая паника. А я стою, это, себѣ съ корзинкой и торжествую: я — правъ! Человѣчество глупо!

Заклучивъ такъ, мой другъ N вышелъ бодро на Невскій, сталъ на мѣстѣ, поднялъ гордо голову и во всю силу легкихъ издалъ жизнерадостный кличъ:

— А вотъ самыя свѣ-ѣжія я яйца-а-а! соб-б-ствен-ныхъ кур-р-ръ! Двадцать ко-пѣ-ѣ-екъ де-ся-то-о-къ!

Я сталъ въ сторонѣ и съ трепетно бьющимся сердцемъ ожидалъ, что получится.

Первой подошла какая-то скорбная старушенка.

— Продаешь? — спросила она, наклоняясь.

— Продаю.

— А почему?

— Двадцать копѣекъ десятокъ!
Старушенка съ минуту глядѣла куда-то на третій этажъ, потомъ махнула рукой и дѣловито заковыляла дальше:

— Придется, должно быть, пойти поискать на Сѣнной.

Вторымъ подошелъ господинъ въ котелкѣ съ толстой цѣпью на животѣ и сигарой въ зубахъ.

— Продаете?

— Ну да!

— А по сколько?

— Двадцать!

Господинъ досталъ новенькую керенку и вручилъ ее N.

— У меня сдачи нѣтъ.

— Да мнѣ и не надо.

— Но вѣдь вы же берете десятокъ?

— Конечно! Я всего заработы-

ваю восемь тысячъ. Не могу же я покупать два десятка.

— Но тогда вамъ приходится сдачи девятнадцать рублей восемьдесятъ копѣекъ, а у меня мелкихъ нѣтъ. Дайте просто даугривенный и берите десятокъ.

Господинъ нервнымъ жестомъ вырвалъ обратно керенку изъ рукъ моего друга N и, отойдя нѣсколько шаговъ, плюнулъ.

Потомъ подошелъ юркій хрупкій брюнетъ съ бородашкой козломъ.

— Почему яйца?

— Двадцать.

— Рублей?

— Копѣекъ!

— Одно? Половина? Восьмушка? Шестнадцатая?

— Десятокъ.

Брюнетъ повертѣлъ въ рукѣ одинъ экземпляръ, положилъ его снова въ корзинку и, уходя, заявилъ компетентно:

— Фальшивья!

Слѣдующей покупательницей оказалась прелестная дѣвушка съ легкимъ загаромъ на щечкахъ. Узнавъ о цѣнѣ она улыбнулась кокетливо и отошла какъ-то особенно тонко посмѣиваясь. А потомъ появился опять хрупкій юркій брюнетъ, но не одинъ, а съ какимъ-то товарищемъ:

— Вотъ этотъ!—указалъ онъ на N желтымъ пальцемъ,—я ему говорю человѣческимъ языкомъ „сколько“, а онъ, извините меня за выраженіе, говоритъ: „двадцать копѣекъ.“ Что же это такое, я васъ спрашиваю. Я—честный труженикъ, послѣ ликвидаціи девятьсотъ пятаго года былъ два года въ одиночкѣ и былъ возстановленъ въ правахъ на каторгѣ волей революціоннаго народа; у меня, наконецъ, взрослая дѣти... А онъ—двадцать копѣекъ! Нѣтъ я этого не могу такъ оставить. Покорнѣйше прошу васъ, товарищъ, обратить ваше вниманіе. Тѣмъ болѣе, что они могутъ быть совершенно фальшивья, что въ переживаемый нами моментъ...

Былъ тяжелый іюльскій вечеръ.

Я сидѣлъ у себя въ маленькой комнатѣ и сосредоточенно думалъ.

Думалъ о томъ, что мой другъ N не продалъ ни одного яйца. И еще о томъ, что, по его заявленію, человечество—глупо.

Такъ ли это?

Паники, дѣйствительно, не получилось, не смотря на самонадѣянную увѣренность N въ его выводахъ.

Но... Но, все—таки...

Не слишкомъ ли польстилъ другъ мой N человечеству, рѣшивъ, что оно глупо?

Владиміръ Воиновъ.

ВЫРОЖДЕНІЕ.

Вывѣски ближайшаго будущаго:

«Нотный магазинъ Чичерина».

«Мѣняльная лавка Ларина».

«Ренсковый погребъ Дыбенки».

«Парикмахерская Пролеткультъ».

КУПАЛЬНЫЯ ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Его величество Цацкинъ обидѣлся.

Театральной комиссіей запрещена къ представленію миниатюра Арк. Аверченко „Рыцарь Индустріи“, въ которой выводится еврей—комиссіонеръ Цацкинъ...

А вы говорите—купаться!

Здравствуй племя молодое.. о-очень знакомое.

„Раннее утро“ сообщаетъ такую штуковину:

Въ послѣднее время на улицахъ Москвы можно видѣть прежнихъ полицейскихъ приставовъ и даже жандармскихъ офицеровъ, сметенныхъ февральской волной прошлаго года.

Они свободно разгуливаютъ по люднымъ мѣстамъ въ форменныхъ шинеляхъ, конечно, безъ погонь. Жандармскіе офицеры не стѣсняются носить на одеждѣ свои темносинія выпушки.

А вы говорите—купаться!

Подъ гриммомъ.

Изъ той же газеты:

Въ Петроградѣ въ Государственномъ театрѣ, въ числѣ утвержденнаго опернаго репертуара будущаго сезона возобновляется „Жизнь за царя“, подъ названіемъ „Иванъ Сусанинъ“.

Мы не увѣрены, но полагаемъ, что царя будутъ называть: Михаилъ Абрамычъ.

А вы говорите—купаться!

Золотыя розсыпи.

Какъ опредѣлить наиболѣе толково и точно Россію въ пятнадцати словахъ? Вотъ:

Совдепъ, Кредепъ, Совнаркомъ, Совнархозъ, Исполкомъ, Викжедоръ, Продуправа, Комземъ, Земкомъ, Уземкомъ, Компродъ, Уисполкомъ, Продотдѣлъ, Молуисполкомъ, Уъземелькомъ.

О, богатый русскій языкъ... Обѣднѣлъ бы ты, что ли?

Понялъ.

Оксана! Грицко! Да подождите вы танцовать вашего украинскаго гопака! Приостановитесь на минутку. Послушайте, що.

„Новости дня“ сообщаютъ о

мелитопольскомъ украинскомъ комендантѣ, который запретилъ лекцію о національномъ вопросѣ на Украинѣ на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, „по украинскому вопросу ничего, кромѣ неприятностей, сказать нельзя“.

Комендантъ, комендантъ, а разсуждаетъ, какъ умный человекъ.

А вы говорите—куп... впрочемъ, въ этого, кажется, не говорили.

Видоплясовы.

„Жизнь“ даетъ смѣшную сводку результатовъ декрета 17 мая о разрѣшеніи мѣнять фамиліи. Оказывается, цѣлыми полками идутъ въ комиссаріаты добрые россияне и „облагораживаютъ“ свои имена.

Гражданинъ Богородскаго уѣзда, Игнатъевской волости, Дмитрій Авксентьевичъ Вшивкинъ изъ деликатности чувствъ проситъ считать его Вышивкинымъ.

Николай Саввичъ Вошко рѣшилъ изъ фауны перескочить въ флору и становится нѣжнымъ Васильковскимъ.

Супруги Николай Петровичъ и Клавдія Спиридоновна Сопляковы на семейномъ совѣтѣ рѣшили стать Кузьминными.

Мы слышали, что по примѣру Соплякова и Вошко—и Нахамкесь проситъ о перемѣнѣ своей фамиліи на:

— Наблагородкесь.

Убиральня человѣчна.

Нѣмцы захватили всю Украину въ свои лапы, но самостоятели-украинцы борются съ этимъ зломъ—страшнымъ орудіемъ: украинской мовой.

А мова эта такая:

Слѣшно переписываются надписи на почтовыхъ ящикахъ. И называются уже они такъ:

— „Почтова скринка для листівъ“.

„Входъ“ передѣлывается въ „вхидъ“ и „выходъ“ въ „выхидъ“. На вокзалѣ: „отіздь потяговъ“ (отходъ поѣздовъ), и „убиральня человѣчна“ (мужская уборная). Переименовываются заодно ужъ и станціи. Такъ, ст. Фастовъ называется уже „Хвистовъ“.

Очень простой и легкой языкъ: Фастовъ превращается въ Хвистовъ, Одесса—въ Удясу, Черниговъ—въ Чурнягивъ—глядишь, все и сдѣлано.

Мѣсяцъ такой работы—и вся Малороссія превратится въ одну огромную убиральню человѣчну..

Дурацкая исторія.

Нижеслѣдующее настолько анекдотично, что этому даже можно повѣрить: вѣдь все, что разыгрывается сей-

часть въ Малороссіи—не болѣе, какъ скверный зловонный анекдотъ...

Солидная московская газета рассказываетъ о порядкахъ въ новообразованныхъ украинскихъ учрежденіяхъ:

При каждомъ учрежденіи имѣется переводное отдѣленіе. Бумага составляется на русскомъ языкѣ и направляется въ переводное отдѣленіе. Тамъ ее переводятъ и отсылаютъ по назначенію.

Получатели въ другомъ учрежденіи сдаютъ ее вновь въ переводный отдѣлъ, гдѣ ее переводятъ на русский языкъ. Исполняютъ на русскомъ языкѣ, послѣ опять переводятъ и посылаютъ отвѣтъ...

И въ результатѣ зря „переводятъ“ бумагу, которой и безъ того мало.

А для кого это надо?

Для жалкой кучки мошенниковъ и идіотовъ, которые осѣдлали несчастный край и ѣздятъ на немъ, какъ Хома Брутъ на паночкѣ.

Короткій разговоръ.

А вы говорите—купаться!

„Дѣло Народа“ публикуетъ слѣдующій документъ:

Предсѣдатель

НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ

Петроградъ.

9/9 II 1918 г.

№

Тов. Зиновьевъ!

Буржуазные репортеры имѣютъ здѣсь (комн. № 14) свое бюро.

Это безобразіе!

Выгнать ихъ, отнять комнату тотчасъ.

Обязательно!

Ленинъ

Какъ говорить пословица: „аккуратность—есть вѣжливость королей“...

Впрочемъ, это изрѣченіе здѣсь, кажется ни къ чему.

Тонкая политика.

Плыви мой челнъ по волѣ волнъ:

Национализированный флотъ несетъ колоссальные убытки. Въ Бѣлозерскѣ с оятъ 37 буксирныхъ пароходовъ съ полнымъ штатомъ команды, но безъ всякой работы. На пароходахъ введены 4 смѣны командъ, работающихъ по 6 часовъ, но никакой работы нѣтъ. (БИП).

Можно было бы попробовать 8 смѣнъ по 3 часа. Или 12 смѣнъ по 2 часа...

Да, впрочемъ, мы и забыли—вѣдь работы, все равно, никакой нѣтъ.

Галоши по рецепту.

Доходились:

Въ виду полного истощенія запасовъ галошъ, московское городское общественное управленіе постановило выдавать галоши по свидѣтельству врачей—думскихъ и совѣтскихъ.

А такъ какъ голодъ все растетъ, то на галошныхъ рецептахъ доктора будутъ ставить: «наружное»...

Чтобъ, упаси Боже, голодные не приняли внутрь...

Стрекозы и муравьи.

Еще недавно любимой фразой всякаго трудолюбиваго рабочаго была такая:

— Довольно: попили вы, буржуи, нашей кровушки.

И лицо у трудолюбца дѣлалось такимъ хищнымъ, что всѣ и безъ словъ понимали конецъ этой фразы:

— Попьемъ мы теперь и вашу кровушку.

И пили! Но... недолго музыка играла...

Снова откуда-то выползъ буржуй и припавъ къ пролетарскому горлу сталъ жадно высасывать пролетарскую кровь.

Напримѣръ:

Артель рабочихъ запросила за переноску вещей изъ одного этажа въ другой—4,000 руб.

Произошло это маленькое событіе на Морской, въ домѣ 1 страхового общества. Событіе какъ будто бы и маленькое, но ха-актерное для нашего времени. Работать артель желала три дня. Офицерская артель, подъ главенствомъ корнета Федотова, состоящая изъ 8 человекъ, перенесла всѣ вещи въ 6 часовъ времени, получивъ за работу 800 рублей.

Артель состоитъ изъ слабыхъ здоровьемъ и израненныхъ офицеровъ, но оказывается эти больные, нуждающіеся интеллигенты могутъ работать и быстро и дешево.

Вотъ-те и саботажники!

Слово изъ будущаго энциклопедическаго словаря:

Саботировать—перетаскивать на себя тяжелую мебель.

Опечатка.

И смѣшно и печально:

Газета „Наше Слово“ сообщаетъ, что турки наступаютъ на Бахмутъ.

Раньше бы всѣ читатели глаза протерли: гдѣ турки, а гдѣ Бахмутъ! Турки на востокѣ, Бахмутъ въ сердцѣ Россіи... Явная опечатка!

А теперь—всѣ почти газеты перепечатали и повторили эту опечатку.

Турки такъ турки. На Бахмутъ такъ на Бахмутъ.

Что невозможно въ нашемъ совѣтскомъ царствѣ—государствѣ.

Кооперативъ идіотовъ.

Извѣстный Смоляковъ ставилъ въ Петроградѣ пьесу „Кооперативъ идіотовъ“.

Мы полагаемъ, что нѣчто въ этомъ родѣ представляетъ кишневскій парламентъ.

„Новая Жизнь“ пишетъ:

О роли трагикомическаго учрежденія, именуемаго „сфатуль-цэрій“ можетъ дать хорошее впечатлѣніе слѣдующій отрывокъ изъ отчета объ очередномъ засѣданіи „парламента“:

„Становичъ: Мы законодательное учрежденіе или частное собраніе? Законодательное, думаю, учрежденіе“.

Бездуганъ: Ошибаетесь.

Станевичъ: Согласенъ“. (Смѣхъ).

Еще бы не смѣхъ! Молдаванинъ—человѣкъ недалекій, но веселый...

Металлъ и жупель.

Радостная вѣсть молодому истощенному мужчинѣ:

Въ Государственномъ банкѣ передаютъ, что одновременно съ проектомъ реформы бумажно-денежнаго обращенія, въ совѣтскихъ кругахъ разрабатывается также вопросъ о мѣрахъ къ извлеченію металлическихъ денежныхъ знаковъ, которые хранятся у населенія.

Гоголевская Коробочка такъ бы и не поняла, въ чемъ заключается этотъ геніальный проэктъ:

— Это что-жъ, батюшка, они отнимать будутъ деньги у населенія, что ли?

— То есть, какъ отнимать?

— Да ужъ оно извѣстно, какъ отнимаютъ: руки вверхъ да за горло.

— Не отнимать, а извлекать.

— Магнитомъ что ли? Али штопоромъ?

— Ахъ, какая вы безтолковая! Просто населеніе само понесетъ свои металлические знаки.

— Само? Да что-жъ оно помѣшалось, что ли ваше населеніе?!

Такъ и не пойметъ Коробочка сущности реформы о металлическихъ знакахъ.

Да и вопросъ: остались ли у населенія какіе нибудь знаки, кромѣ знаковъ на тѣлѣ...

НЕ ВРЕМЯ И НЕ МѢСТО.

Р. С. А. Р.

Сатириконтъ: — Товарищи меньшевикъ и большевикъ! Съѣдъ это купальный номеръ! Хотя въ специальномъ номерѣ перестаньте грызться...

Рис. Ре Му

КЕРЕНСКІЙ ЗАГРАНИЦЕИ.

— Почему это всё въ купальныхъ костюмахъ и съ пузырями?
 — Керенскій рѣчь говоритъ. Россію то онъ уже своими рѣчами готовиль, ну а союзники надѣются выплыть!..

ВЪ БУДУЩЕМЪ...

Послѣ Брестскаго мира у Рос-
сиі отрѣзаны всѣ выходы къ мо-
рямъ.

Изъ газетн. передовицы.

Русскій. — Скажите, товарищъ,
что это у васъ за странный такой
полосатый костюмчикъ?

Иностранецъ. — Это купальный
костюмъ для морского пляжа.

Русск. — Чево-о?

Иностр. — Для морского плажа...

Русск. — Для пляжа... Это гдѣ пляшутъ, что ли?

Иностр. — Нѣтъ-же! Пляжъ. Берегъ, гдѣ купаются. Мо-
ре, понимаете? Мо-ре.

Русск. — Какое, вы говорите слово?

Иностр. — Мо-ре.

Русск. — Первый разъ слышу. Оно вродѣ чего?

Иностр. — Ну, какъ вамъ сказать... Рѣку знаете?

Русск. — Ну, какже! Этого добра слова Богу.

Иностр. — Такъ вотъ, вродѣ рѣки, только не течетъ.

Русск. — Не течетъ, говорите? Это очень любопытно.
Это какъ же выходитъ: не течетъ, а... тово. Вода — то
тамъ есть?

Иностр. — Воды тамъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ въ
самой большой рѣкѣ.

Русск. — Тссс! Это что жъ такое будетъ! И противо-
положный берегъ видать?

Иностр. — Ну, что вы! До него можетъ тысяча верстъ.

Русск. — (Задумчиво).

— Н-да!.. Пущена водичка. Я думаю тысячу лѣтъ бу-
детъ пить публика — не выпьетъ.

Иностр. — Да морскую воду нельзя пить.

Русск. — Скажете тоже! Это почему же, дозвольте?

Иностр. — Она горько-соленая.

Русск. — Кто же это ее такъ?

Иностр. — Никто. Сама по себѣ.

Русск. — Слабовато. Я думаю, рыба въ ей дохнетъ, какъ
муха.

Иностр. — Рыба? Да тамъ такіе рыбины встрѣчаются,
какихъ вашимъ рѣкамъ и не снились: акулы, киты съ
домъ величиной.

Русск. — Съ домъ? И не муниципализованы?! Прямо
чудеса въ рѣшетѣ. Эхъ, счастливый вы народъ, иност-
ранцы... Хоть бы разочекъ выкупаться!

ПОВОЙНЫЙ ӨМА.

ПОДМОЧЕННАЯ ГРАВЮРКА.

Негръ, подобіе Атланта, —
Съ жемчугомъ большой мѣшокъ.
Дѣти капитана Гранта
Высадились на песокъ...
Чуждое, глухое небо
Богомъ забытыхъ сторонъ;
Какаду, туканы.., Гдѣ-бы
Видѣть могъ я этотъ сонъ?
Заткана гравюрной сѣткой,
Тамъ, надъ близкой, черной
вѣткой
Даль съ чеканнымъ очертаньемъ
Скачущихъ по скаламъ сернь...
Виды, ставшіе преданьемъ!
Рифы, мель... Жюль-Вернь....

А. Дэви.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Что дали Россіи большевики?
По утверженію большевистскаго пажа и баяна Василя
Князева въ „Гильотинѣ“—большевики облагодѣтельствовали Россію
1) Свѣтомъ, 2) Возрожденіемъ, 3) Мирнымъ трудомъ.

У насъ двѣ партіи живыхъ,
Оплоть родного края,
Кадеты—первая изъ нихъ,
Большевики—вторая.
Съ кадетомъ—деньги, барство, кнутъ,
Мракъ, пушки, мечъ съ штыками;
Съ большевиками—бѣдный людъ,
Свѣтъ, возрожденье, мирный трудъ;
И я съ большевиками!!

Туда вамъ и дорога!

Почтовый ящикъ „Газеты для всѣхъ“:

Люсѣ Николаевой. Значить, онъ сердитъ на тебя, и ты
готова его побить? Бить ты его не бей, а разъ 20 скалкой
долбани по черепу, вотъ онъ и будетъ понимать, идолъ без-
чувственный...

Это называется—дать вдумчивый исчерпывающій совѣтъ на му-
чительные запросы молодого чистаго существа.

Мы, бы, со своей стороны, дали горемычной Люсѣ совѣтъ болѣе
подходящій:

— Бить ты его не бей, но и съ безграмотными, дурацкими га-
зетами въ переписку не вступай...

Александръ Блокъ приобрѣлъ большевистскій мандатъ на право
занятія изящной литературой и закатилъ для перваго знакомства
такую литературу (поэма „Двѣнадцать“):

Мы на горе всѣмъ буржуямъ
Міровой пожаръ раздуемъ—
Барыня, барыня,
Сударыня, барыня.
Міровой пожаръ въ крови,
Господи Благослови.
Егарки-Матыгарки...

Признаться, насчетъ „барыни“ и „матыгорки“—эти слова мы
сами прибавили, но думаемъ, что авторъ просто забылъ вставить
ихъ въ этотъ большевистскій плясъ...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Сергью Пруткову.—Приведемъ начало „Размышленія объ израз-
цовомъ камнѣ“:

На дорогѣ мостовой
Лежалъ камень небольшой...
Съ него пыли толстый слой
Я смахнулъ слегка ногой...

Какъ сказано у поэта:

И пыль вѣковъ отъ камня отряхнувъ,
Ногой стихи плохіе онъ напишетъ.

Увѣчные войны, въ пользу которыхъ вы направляете гонораръ,
не поблагодарятъ васъ за такую благотворительность.

Д. А. 8. Э. Г. Ч. — Нѣтъ, не подошло.

М. Больно у.—Одна только строчка вашего стихотв.: „Онъ, ру-
мянцемъ слегка обагранный“—и вы уже ясны намъ и понятны,
будто мы прочли томъ вашихъ стиховъ. Вы спрашиваете:

— „Ну какъ вамъ показался мой первый шагъ?“

Шагайте обратно.

Нельзя ходить съ вывихнутыми ногами.

Попову.—Къ сожалѣнію, не подходитъ.

Брачеру.—Тоже.

С. А. Гемму. „Проза у меня получается не плохая, а стихи я
еще писать не насобачился“...

Собачьтесь скорѣе. Потому что безъ вашихъ стиховъ едва ли
мы долго протянемъ.

Не мѣшаетъ подсобачиться и въ прозѣ.

Шофферу Иванычу.—Шофферъ Иванычъ дѣлаетъ странное и не-
совсѣмъ вразумительное заявленіе:

— „Мои стихи пишутся для небольшой кучки“.

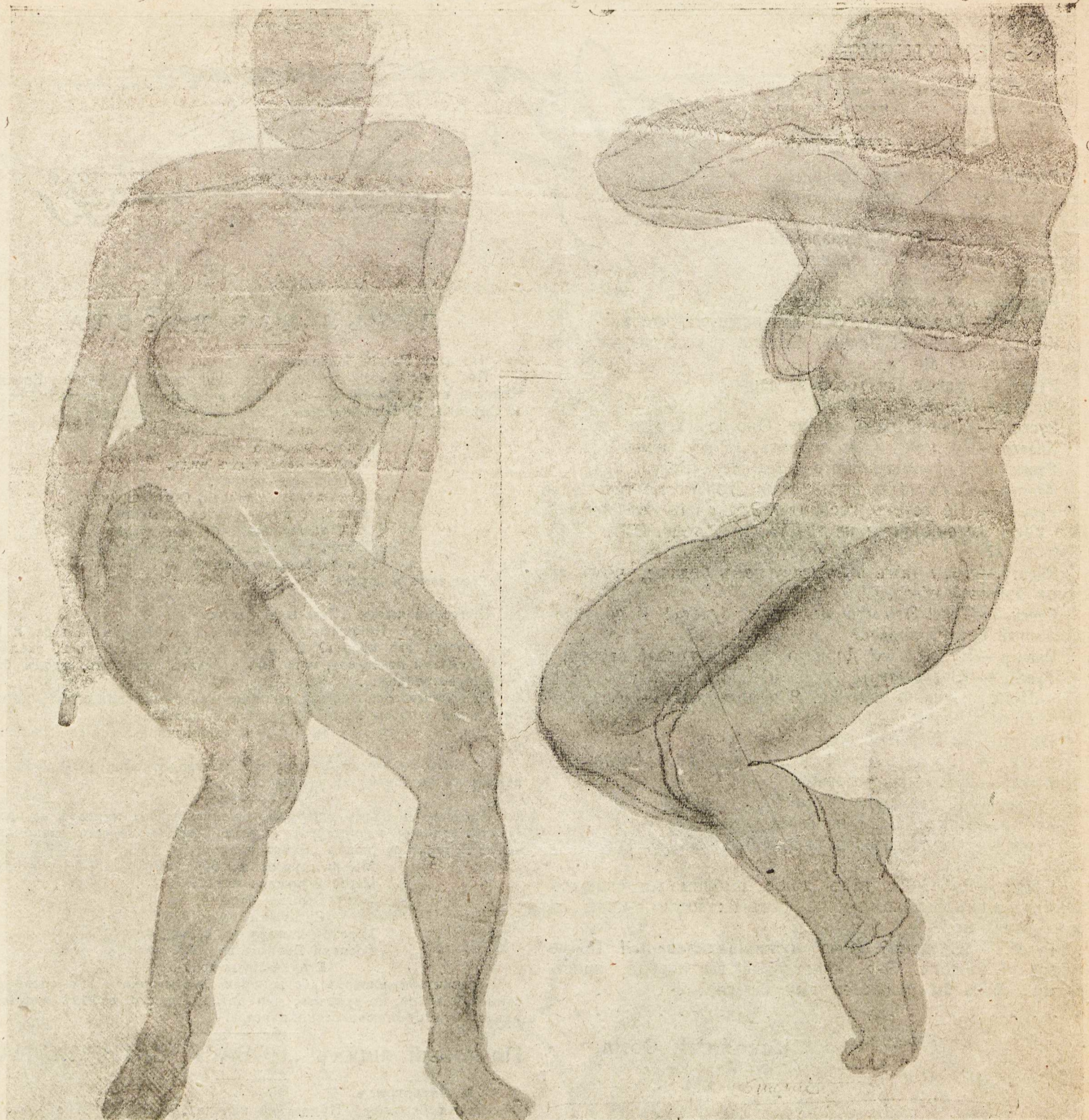
Ну, положимъ! Эта „кучка“ всегда зависитъ отъ количества за-
бракованныхъ рукописей.

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко
А. С. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88.—Тел. 59-07.

Наброски изъ альбома.

Рис. В. Лебедева.

6-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконтъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно).
журнала въ краскахъ.
за 12 мѣс. (съ преміями) — 30 руб. за 6 мѣс. — 15 руб., за 3 мѣс. —
7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и кохторы: Петроградъ, Жевскій пр., 88 Тел. 59-07.